

Беляев Дмитрий Анатольевич, Синицына Ульяна Павловна

Л. Н. ТОЛСТОЙ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ НИЦШЕАНЫ: КРИТИКА "ФИЛОСОФИИ ОЗВЕРЕНИЯ" И "СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЭСТЕТИЗМА"

В статье реконструируются характер восприятия и оценка Л. Н. Толстым философии Ф. Ницше. При этом рассматривается как непосредственное отношение русского писателя к идеям немецкого мыслителя, так и определение его философии в целом как культурного феномена. Отдельно анализируется социально-эстетическая интерпретация Толстым ницшевой идеи сверхчеловека. В заключение делается вывод, что для Толстого идеи Ницше являются примером "философии озверения", а их успех в обществе указывает на глубокий духовный кризис современной европейской культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 46-49. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**EDUCATIONAL SPACE OF LITTLE TOWNS OF VOLOGDA REGION
AS A FACTOR OF PERSONALITY'S GENESIS**

Balyushina Yuliya L'vovna, Ph. D. in Philosophy
Cherepovets State University
julya13mouse@rambler.ru

The article conducts an analysis of the educational space of the little towns of Vologda region in the aspect of its influence on the formation and development of the personalities of the residents of these towns. The problems, specificity of educational space are revealed, its advantages are noted. It is shown that today the educational space of a little town is at the stage of development, but it can't satisfy people's needs in development by means of training that is a factor of depopulation.

Key words and phrases: educational space; education; training; little town; Vologda region; personality.

УДК 130.3

Философские науки

В статье реконструируются характер восприятия и оценка Л. Н. Толстым философии Ф. Ницше. При этом рассматривается как непосредственное отношение русского писателя к идеям немецкого мыслителя, так и определение его философии в целом как культурного феномена. Отдельно анализируется социально-эстетическая интерпретация Толстым ницшевой идеи сверхчеловека. В заключение делается вывод, что для Толстого идеи Ницше являются примером «философии озверения», а их успех в обществе указывает на глубокий духовный кризис современной европейской культуры.

Ключевые слова и фразы: Толстой; сверхчеловек; нравственность; добро; морализм; Ницше; эстетический гедонизм; аристократизм.

Беляев Дмитрий Анатольевич, к. филос. н.
Липецкий государственный педагогический университет
dm.a.belyaev@gmail.com

Синицына Ульяна Павловна
МБОУ СОШ № 33 имени П. Н. Шубина г. Липецка
Ulyana-sin@yandex.ru

**Л. Н. ТОЛСТОЙ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ НИЦШЕАНЫ:
КРИТИКА «ФИЛОСОФИИ ОЗВЕРЕНИЯ» И «СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЭСТЕТИЗМА»[©]**

Философия Ф. Ницше получила живой отклик в отечественном интеллектуальном пространстве конца XIX – начала XX века. Без преувеличения можно сказать, что русская ницшеана, в которую входят многочисленные комментарии, критика и авторские рецепции занимает видное место в корпусе мирового ницшеведческого наследия. Многие известные русские мыслители, среди которых, в частности, Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, Вяч. Иванов, А. Белый, Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский на стыке столетий сочли необходимым высказаться о Ницше, обозначить свое отношение к его философии [1; 3; 5]. Отечественные авторы предложили оригинальные модели религиозной интерпретации, критики и даже развития ряда метафизико-антропологических концептов «базельского профессора».

Примечательно, что первые попытки эксплицировать и аналитически обозреть философию Ницше осуществляются через ряд персональных сравнений, в частности, с морально-нравственной системой идей и взглядов Л. Н. Толстого. В русском компаративистском ницшеведении становится общим местом философская (прежде всего, этическая) аппозиция Ницше и Толстого.

Одновременно в современной исследовательской литературе практически нет информации о непосредственной оценке Львом Николаевичем философии Ницше. По общему умолчанию даже складывается впечатление, что ее и вовсе не было. Однако Толстой выступает не только в сравнительных исследованиях философии немецкого мыслителя в качестве этического концепта-противопоставления. Он внес и личный, непосредственный вклад в русскую ницшеану, формирование оценки творческого наследия Ницше.

Наша работа основана на методе историко-философской и компаративно семантической аналитики. Ее целью является системная реконструкция отношения Л. Н. Толстого к философскому наследию Ф. Ницше, оценка его в целом как феномена современной духовной культуры, а также рассмотрение им частных тем и вопросов, поднимаемых немецким мыслителем.

[©] Беляев Д. А., Синицына У. П., 2015

Есть прямые свидетельства того, что Толстой был непосредственно знаком с философией Ницше, не раз читал его работы, хотя и с «великим отвращением» [11, с. 291]. Более того, в письме от 11 сентября 1902 г. в редакцию газеты “Die Zeit” он выражает намерение написать специальную статью с развернутым отзывом и выводами из чтения Ницше [Там же]. К сожалению, эти планы не были осуществлены. Однако очевидно, что Толстой не только знал о Ницше и его работах, но и считал его творчество заметным и даже по-своему знаковым явлением интеллектуального дискурса конца XIX – начала XX века. И, несмотря на отсутствие персональной статьи о Ницше, тем не менее, на основе ряда публикаций можно реконструировать общую оценку и модальность восприятия его философии Толстым.

Можно выделить два проблемных фокуса рассмотрения Толстым творчества Ницше. Первый относится к общей оценке философии немецкого мыслителя как интеллектуального феномена, характеризующего состояние и вектор трансформации европейской культуры на стыке XIX и XX столетий. Второй направлен на интерпретацию ницшевой идеи сверхчеловека.

Итак, Лев Николаевич уверен, что любая подлинная философия должна, прежде всего, рассматривать вопросы практической этики в контексте перспективы социального бытийствования человека. Проблема деятельного жизненного выбора, нравственного участия человека является центральной для всякой существенной философской рефлексии. В сущности, по мнению русского писателя, есть один основной вопрос, подлежащий решению философией: «что мне делать?» [13, с. 183]. Однако, начиная с Гегеля, этот вопрос начинает забываться, отходить на второй план, подменяясь исследованием наличного и встраиванием его в единую метатеорию, что явилось первой ступенью нисхождения философской мысли, утратой ею существенной проблемной области, а значит, и потерей подлинной цели.

Далее, полагает Толстой, под влиянием позитивизма и дарвинизма предмет философской мысли явно биологизируется. Теперь основным законом человеческой жизни признается борьба за выживание. Соответственно происходит редуцирование человеческого естества до исключительно животной природы, не оставляя места для свободы и нравственных форм социального бытийствования.

Наконец философия Ницше с точки зрения русского мыслителя знаменует и демонстрирует новую ступень нисхождения человеческой мысли. Здесь сохраняется «главный философский вопрос», но на него дается предельно эгоцентристский и гедонистически ориентированный ответ: «жить в свое удовольствие, не обращая внимания на жизнь других людей» [Там же]. Работы немецкого мыслителя Толстой называет «мальчишеским оригинальничаньем», а его самого «одержимым манией величия полубезумцем» [Там же, с. 183-184]. Содержательно же он отмечает откровенную и нарочитую безнравственность высказываний Ницше, которые больше эффектны по форме и рассчитаны на привлечение массового внимания. Здесь, думается, Лев Николаевич имеет в виду последние работы «базельского профессора», которые предельно эпатажны по языку и антихристианские по внешнему смысловому посылу [6; 7]. Именно они имели скандальный успех среди массового читателя и одновременно вызвали, по преимуществу, категорическое неприятие и осуждение в пространстве отечественной философской мысли конца XIX века. Русский писатель отмечает риторическую патетичность и бездоказательность многих выводов немецкого философа, а также общую отрывочность и бессвязность его текстов.

Безусловно, Толстой категорически отрицательно относится к философии Ницше. Однако больше его огорчают не столько сами произведения немецкого мыслителя, их форма построения и идейный посыл, а реакция на них в интеллектуальном пространстве. Лев Николаевич уверен, что первичное удивление и озадаченность неожиданными идеями Ницше в духовно здоровом обществе должны были бы быстро смениться пониманием их пустоты, бездоказательности и абсурдности. Это естественным образом наложило бы печать общественного забвения на труды «базельского профессора». Между тем Ницше сопутствует «необыкновенный успех» и он, по мнению Толстого, является ярким свидетельством «страшного одурения и озверения» [13, с. 183-184] современного человечества, которому противно напоминание об основных христианских добродетелях – самоотречении и любви. Но зато оно радостно встречает, хоть и бестолково написанный, призыв к эгоизму и жестокости [Там же, с. 184-185]. В конечном счете, делает вывод русский писатель, популярность немецкого философа является симптомом кризиса и деградации европейской культуры в ее традиционно христианской форме.

Кроме этого общего взгляда на философию Ницше у Толстого есть хотя и эпизодические, но весьма примечательные суждения по центральной теме всей русской ницшеаны – идеи сверхчеловека. Вообще многочисленные рецепции и интерпретации сверхчеловека стали центральной темой практически любого дискурса о философии немецкого мыслителя в русской интеллектуальной традиции конца XIX – начала XX века [3; 5]. По-своему оригинальный вклад в него внес и Толстой, хотя сам же критически замечал, что серьезное отношение и рассмотрение теории о сверхчеловечестве свойственно людям мнимо просвещенным [13, с. 184].

В целом, общим правилом для отечественного понимания ницшева *Übermensch* и говорения о нем стала его трактовка как явления религиозного сознания, эксплицируемого через бинарную концептосферу «антихрист – богочеловек» [1; 3; 5]. Однако Толстой интерпретирует его как феномен по преимуществу социального порядка. При этом он рассматривается в контексте эстетической проблематики как разновидность современного элитарного реципиента в искусстве, и одновременно как особая модальность интерпретации искусства вообще. В этой связи очевидно знакомство Толстого с двумя ключевыми работами Ницше – «Рождение трагедии» и «Так говорил Заратустра». Их рассмотрение в едином семантическом континууме,

где происходит совмещение эстетической доминанты «Рождения трагедии» [2; 8] и идеи сверхчеловека «Заратустры» [2; 4; 9], делает возможным эстетикоориентированную интерпретацию Толстым сверхчеловека.

Рассматривая сущность искусства и пытаясь эксплицировать тенденции его современного генезиса, Лев Николаевич приходит к выводу о наличии в нем ошибочной оппозиции между красотой и добром. Это порождает радикальное искажение искусства, делая его популяризатором гедонизма и чувственного отречения от общечеловеческих ценностей. Именно в контексте этой проблемы деморализации искусства Толстой вспоминает о Ницше, который, по его мнению, стал пророком и апологетом этой эстетической тенденции [12, с. 92].

Ницше, полагает русский писатель, в своей философии категорически противопоставляет сферы этического и эстетического, утверждая, что подлинная красота несовместима с добром. Немецкий философ отдает приоритет красоте, тем самым освобождая ее и всю сферу искусства от требований нравственности [Там же, с. 172]. Сверхчеловек, как «дионисический герой» [2; 4], выступает воплощенным аморалистским принципом, утверждающим примат биологической витальности в искусстве. Он способствует замещению идеала нравственности принципом гедонистической красоты. Историческая конкретизация идеала сверхчеловека выражается, с точки зрения Льва Николаевича, «в старых идеалах Нерона, Стеньки Разина, Чингис-хана и Наполеона» [12, с. 173], т.е. витально сильных и чувственно ярких, но безнравственных героев.

Одновременно сверхчеловек – это аристократический реципиент в искусстве, разрушающий его народную, общечеловеческую направленность. Именно опора на философию Ницше, по мнению Толстого, укрепляет современных художников во мнении, что «им не нужно быть понятыми грубыми массами», а достаточно вызывать эстетические чувства у «наилучших людей» или «сверх-человеков» [Там же, с. 92]. Соответственно сверхчеловеческое, по мнению русского писателя, утверждает идеал безнравственности и способствует элитарной зауженности проблемного поля и языка искусства.

Также подспудная критика ницшевой идеи сверхчеловека содержится в письме Л. Н. Толстого Б. Шоу с отзывом на его пьесу «Человек и сверхчеловек». Здесь русский писатель утверждает, что путь улучшения человечества лежит вовсе не через рождение «новых сверхчеловеков», а в области религиозного очищения, предполагающего «разумное отношение к бесконечному началу мира» и следование вытекающему из него жизненному руководству [10, с. 201]. Толстой призывает ориентироваться на настоящего «простого человека», добиваться его духовного обновления, а не жить мечтаниями о будущем сверхчеловечестве. И пусть формально комментарий Льва Николаевича приходится на сюжет пьесы английского драматурга, но следует помнить, что сама тема сверхчеловека появляется у Шоу под непосредственным влиянием философии Ницше.

В заключение можно сделать вывод, что Толстой предельно негативно относится к философским идеям Ницше, считая их интеллектуально пустыми и духовно вредными, нравственно разрушительными. Популярность же трудов немецкого мыслителя является диагнозом болезненного состояния общества, потерей им христианских ценностных оснований и общего «озверения». Массовое стремление к эстетизированно элитарной сверхчеловечности подменяет и нивелирует значение подлинно человеческого, т.е. нравственного естества.

Список литературы

1. **Беляев Д. А.** Генезис осмысления и художественной экспликации идеи сверхчеловека Д. С. Мережковским // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29). Ч. 1. С. 25-28.
2. **Беляев Д. А.** Имплицитное формирование идеи и образа сверхчеловека в ранней философии Ф. Ницше [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/102-6080> (дата обращения: 23.09.2015).
3. **Беляев Д. А.** Интерпретация ницшевой идеи сверхчеловека в пространстве русской религиозной философии конца XIX – начала XX века // Антирационалистический поворот в современной философии: к 170-летию со дня рождения Фридриха Ницше: сборник научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2014. С. 37-45.
4. **Беляев Д. А.** К вопросу о понимании идеи сверхчеловека в философии Ф. Ницше // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 42-44.
5. **Беляев Д. А.** Религиозно-сциентистический проект сверхчеловека в «философии общего дела» Н. Ф. Федорова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. 2. С. 31-33.
6. **Ницше Ф.** Эссе Homo. Как становятся самим собой // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 693-769.
7. **Ницше Ф.** Антихрист // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 631-692.
8. **Ницше Ф.** Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 47-157.
9. **Ницше Ф.** Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 5-237.
10. **Толстой Л. Н.** Письмо Бернарду Шоу // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. М.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1928-1958. Т. 78. С. 201-204.
11. **Толстой Л. Н.** Письмо в редакцию газеты "Die Zeit" // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. М.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1928-1958. Т. 73.
12. **Толстой Л. Н.** Что такое искусство? // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. М.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1928-1958. Т. 30. С. 27-203.
13. **Толстой Л. Н.** Что такое религия и в чем ее сущность? // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. М.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1928-1958. Т. 35. С. 157-198.

**L. N. TOLSTOY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NIETZSCHEANISM:
CRITICISM OF “PHILOSOPHY OF BRUTALITY” AND “SUPERHUMAN AESTHETICISM”**

Belyaev Dmitrii Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy
Lipetsk State Pedagogical University
dm.a.belyaev@gmail.com

Sinitsyna Ul'yana Pavlovna
Municipal Budgetary Educational Institution Secondary School № 33 named after P. I. Shubin, Lipetsk
Ulyana-sin@yandex.ru

The article reconstructs the nature of the perception and evaluation of F. Nietzsche's philosophy by L. N. Tolstoy. The paper considers both the immediate attitude of the Russian writer to the ideas of the German thinker and the definition of his philosophy on the whole as a cultural phenomenon. Tolstoy's socio-esthetic interpretation of Nietzsche's idea of superman is under analysis. The authors conclude that for Tolstoy Nietzsche's ideas exemplify “philosophy of brutality” and their success in the society indicates a deep spiritual crisis of contemporary European culture.

Key words and phrases: Tolstoy; superman; morality; good; moralism; Nietzsche; esthetic hedonism; aristocratism.

УДК 7; 18:7.01

Искусствоведение

Статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей русской песенной системы Среднего Прикамья на примере свадебной песни «Кума, кума выходила». Русская свадебная традиция исследуемой территории складывалась как многосоставное явление, интегрирующее разнородные элементы нескольких переселенческих потоков русских групп населения. Вынесенная в заголовок статьи песня является ярким примером тех интегративно-консолидационных процессов, которые происходили на исследуемой территории, что подтверждает текстологический анализ, выполненный на этнографическом, поэтическом, кинетическом и музыкальном уровнях.

Ключевые слова и фразы: Среднее Прикамье; русская свадебная традиция; переселенческие потоки; курник; свадебный каравай; дивья красота; скоморошья лексика; свадебная плясовая; стихия игры.

Болдырева Вера Геолоновна

Удмуртский государственный университет
bold@udm.ru

**ПЕСНЯ «КУМА, КУМА ВЫХОДИЛА»
В СВАДЕБНОЙ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ[©]**

Бассейн реки Кама традиционно подразделяется на несколько локальных регионов, имеющих свою специфику. Это Нижнее Прикамье (с прилегающими к Волге территориями), бассейн р. Вятки, Верхнее Прикамье, Юго-Восточное Прикамье (включающее в себя бассейны рек Сылвы, Белой) и Среднее Прикамье.

Начало освоения территории Среднего Прикамья русскими началось после присоединения в 1489 году Вятской земли к Московскому великому княжеству и завоевания Казанского ханства в 1552 г. Миграция шла из различных регионов Европейской части России и растянулась на достаточно продолжительный период. Историко-культурные процессы, происходившие на этой территории, привели к формированию сложной по составу этнокультурной традиции, особенности которой наиболее отчетливо проявляются в обрядовом комплексе традиционной русской свадьбы.

«Подобно другим системам позднего расселения русских (Среднее и Нижнее Поволжье, Урал, Сибирь), русская свадебная традиция среднего течения реки Кама складывалась как многосоставное явление, интегрирующее разнородные элементы» [2, с. 1]. Механизм этого процесса можно проследить на примере песни «Кума, кума выходила», с завидным постоянством фиксирующейся на изучаемой территории. Обратимся к этнографическому контексту песни.

Песня имеет определенное место и время на свадьбе – ее пели девушки под конец свадебного застолья в доме невесты при выносе *курника*. На Руси курник традиционно считался блюдом, которое подносили на праздничные мероприятия – свадьбу или Троицу. По одной из версий его название произошло от курицы, которой часто начинали пирог. Общеизвестна мифологическая трактовка этой птицы и ее особое положение на свадебном пиру.

Сам курник, а также тарелка, на которой он выносится, подвергался внимательному изучению родней жениха. *Если какую щербинку увидят, или дырку в тесте – то и невесту могут не взять* (Нижний Армязь, Камбарского р-она). В данном случае, пирог и тарелка являются показателями честности невесты.

Курник обязательно надо было выкупить. *Курник окупали, причем каждая сторона (невесты и жениха) старалась одержать верх, перебить цену. Торги идут до тех пор, пока мать у невесты не накроет его* (с. Кварса, Воткинского р-на).